

ОТЛОЖЕННАЯ РЕОРГАНИЗАЦИЯ: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА РАЗДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР (1955–1957)

М. А. Базанов

Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия, bazanov.86@mail.ru

В 1955–1957 гг. дирекция Института истории АН СССР во главе с А.Л. Сидоровым выступила с инициативой реорганизации института и создания на его базе двух новых учреждений – Института истории СССР и Института всеобщей истории. Проект будет реализован лишь в 1968 г., в иной социокультурной и идеологической обстановке, став одним из знаковых событий, обозначивших переход от эпохи «оттепели» к «застою». В статье реконструируется ход обсуждения инициативы А. Л. Сидорова Отделением исторических наук и Президиумом АН СССР. Продемонстрированы альтернативные проекты реорганизации учреждения, принадлежащие В. П. Волгину, Б. А. Рыбакову, Л. М. Иванову. Восстановлены основные аргументы «за» и «против» предложенных проектов. Показано, что в основе выбора проекта А.Л. Сидорова лежали соображения равноценного распределения между новыми учреждениями кадровых ресурсов. Выявлено постановление Президиума АН СССР, согласно которому должно было состояться разделение Института. Высказано предположение о том, что в основе инициативы реорганизации Института истории АН СССР лежало стремление расширить материально-финансовое обеспечение учреждений в условиях существенного увеличения планового задания. Намечены основные направления дальнейшего изучения этого эпизода истории советской исторической науки.

Ключевые слова: *Институт истории АН СССР, Институт истории СССР АН СССР, Институт всеобщей истории АН СССР, Отделение исторических наук АН СССР, Президиум АН СССР, Аркадий Лаврович Сидоров, Анна Михайловна Панкратова, Вячеслав Петрович Волгин, реорганизация, внутренняя структура, постановление, переписка.*

Разделение в 1968 г. Института истории АН СССР на два самостоятельных учреждения – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории – стало одним из ярчайших событий в советской историографии, маркировавших переход от периода «оттепели» к «застою». В наиболее сконцентрированном виде ставшее хрестоматийным мнение историков об этом событии выразил в своих мемуарах А. М. Некрич: «Считалось, что институт стал чересчур громоздким и что им трудно управлять. На самом деле им стало трудно управлять не из-за его громоздкости, а потому, что руководство наукой не хотело прислушиваться к новым веяниям времени, а предпочитало работать по старинке. Деятельность нашего парткома, появление ряда книг и статей историков, отклоняющихся от “нормы”, т. е. официального партийного, кстати, не очень определенного курса, были использованы Трапезниковым, чтобы доказать кому надо “наверху”, что Институт стал “неуправляемым”» [Некрич: 1979, С. 318]. Реорганизация, таким образом, оценивается в качестве одной из мер по упорядочиванию идеологического контроля над средой советских историков, соответственно, и причины разделения рассматриваются исключительно в сфере

политико-идеологических факторов развития науки. К этому мнению присоединились как иные мемуаристы [Поляков: 2011, С. 259–262; Ганелин: 2014, С. 176–177], так и те историографы, которые так или иначе касались данной темы [Неретина: 1990, С. 143; Курносов: 2006, С. 365–366]. Автор статьи полагает, что этому событию еще предстоит стать объектом пристального внимания историографов. В статье речь пойдет о его предпосылках – первой известной автору попытке размежевания института на два полноценных учреждения.

17 февраля 1955 г. заместитель директора Института истории АН СССР Л.С. Гапоненко направил ученому секретарю Отделения исторических наук АН СССР С.И. Прасолову официальное письмо, получившее исходящий номер 303-09. Начиналось оно с указания на разветвленную внутреннюю структуру Института истории, вмещавшего в себя около двадцати структурных единиц. С начала 1950-х гг. штатные единицы в институте перераспределялись в пользу секторов, занимавшихся новейшим временем, но несмотря на это, подчеркивается в письме, необходимо активизировать («усилить») разыскания в области истории народов СССР, Византии, Ла-

тинской Америки, Скандинавии, стран народной демократии, планировалось создание секторов истории КПСС, вспомогательных исторических дисциплин и истории внешней политики СССР. Из всего этого Л. С. Гапоненко делал вывод: «Существующая структура Института истории крайне сложна и затрудняет управление многочисленными секторами. <...> В целях повышения уровня научно-исследовательской работы как по отечественной, так и по всеобщей истории и улучшения руководства секторами, дирекция Института считает вполне назревшим вопрос о выделении секторов по отечественной истории в самостоятельный Институт отечественной истории АН СССР <...>»¹. С этого обращения к руководству Отделения исторических наук и берет свое начало долгое двухлетнее обсуждение идеи о разделении Института истории.

В качестве дополнительного аргумента автор письма указывал на тот факт, что практически во всех союзных республиках в составе соответствующих Академий наук уже созданы и действуют собственные институты истории. Наличие подобных учреждений, ответственных за изучение истории отдельных республик, еще более подчеркивало отсутствие института, призванного изучать историю СССР (и отметим то, что в письме напрямую не говорилось, но, вероятно, подразумевалось – истории РСФСР). Кроме того, в обязанность Института истории была вменена координация работы и патронирование республиканских институтов истории, но «когда Институт АН СССР занят больше проблемами всемирной истории, объективно не представляется возможности уделять должное внимание вопросам совместной работы с историческими учреждениями страны по отечественной истории»².

В том же письме кратко характеризовалась структура предполагаемого Института отечественной истории³. Всего предполагалось десять

¹ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 457. «Отделение истории Российской академии наук». Оп. 1 (1945–1956). Д. 389. Л. 89.

² Там же. Л. 28.

³ К сожалению, весьма сложно очертить внутреннюю структуру Института истории на момент составления этого и последующих проектов в силу весьма активного ее обновления в первой половине 1950-х гг. В качестве ориентира можно рассматривать протокольную документацию структурных подразделений ИИ АН СССР за 1955 г., зафиксированных в описи фонда 1 «Материалы Института истории АН СССР» Научного архива Института российской истории РАН. В ней отмечены: 1) восемь самостоятельных секторов: истории СССР периода феодализма, истории СССР периода капитализма, истории древнего мира, истории средних веков, новой истории европейских стран, новейшей истории европейских стран, новой и новейшей истории стран Аме-

рики, одна комиссия и три редакции журналов. Согласно данному проекту, в дополнение к уже существующей структуре создавались секторы истории КПСС и истории внешней политики СССР. Комиссия по истории исторической науки преобразовывалась в сектор истории исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин. Упразднялась комиссия по истории образования русской буржуазной нации и сектор по истории религии и атеизма. Не нашлось в проекте места для редколлегий многотомника «История Москвы» и серии документов «Великая Октябрьская социалистическая революция». За будущим институтом предлагалось закрепить новые для исторической науки журналы: «Исторический архив» (решение о его создании было санкционировано бюро ЦК КПСС в мае 1954 г., первый номер вышел в феврале 1955 г.), «История народов СССР» (предполагалось создать его на базе «Исторических записок», в дальнейшем вместо него был создан журнал «История СССР», первый номер которого вышел в 1957 г.) и «Доклады и сообщения Института истории» (издание, призванное заменить закрывшийся журнал «Известия АН СССР. Серия истории и философии», однако так и оставшееся неосуществленным проектом)⁴.

В ответном письме С. И. Прасолов потребовал от дирекции доработать представленный проект и представить соображения о предполагаемом Институте всеобщей истории (которому, отметим, в письме не было посвящено ни одной строки). Непосредственно в отпуске письма дата не указана, но на нем стоит резолюция: «Т[ов]. Долдобановой на контроль. С. Прасолов. 31.3.[19]55»⁵.

рики, по составлению «Всемирной истории»; 2) два отдела – рукописных фондов и истории СССР социалистического периода, в состав последнего входило еще пять секторов: Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, истории СССР периода социализма, главной редакции серии сборников документов «Великая Октябрьская социалистическая революция», истории Великой Отечественной войны и послевоенного периода, публикации источников по истории СССР; 3) две комиссии: по истории религии и атеизма, по истории образования русской буржуазной нации; 4) группа византиноведения (см.: Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1 «Материалы Института истории АН СССР». Оп. 1. Д. 1074–1149). Список этот, по-видимому, не является исчерпывающим. Среди документов за 1954 и 1956 гг. числятся: комиссия по истории земледелия, редколлегия многотомника «История Москвы», группа по истории Германии (Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1044, 1045, 1265, 1266). Кроме того, в проектах в перечне существующего (а не предполагаемого) подразделения фигурирует комиссия по истории исторической науки.

⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 389. Л. 28–29.

⁵ Там же Л. 25.

Если указанная в резолюции дата является датой создания документа, то необходимо признать – бюро Отделения исторических наук не торопилось форсировать процесс, предпочтя почти полтора месяца формально не реагировать на поступившее предложение.

Дирекция Института истории прислала дополнение к изначальному проекту. Структура Института всеобщей истории в меньшей мере должна была подвергнуться трансформации: сохранялись все уже существующие на тот момент сектора, в том числе и сектор по составлению «Всемирной истории». К ним должен был прибавиться сектор истории европейских стран народной демократии. Упразднилась группа византиноведения. Предполагались редакции четырех периодических изданий: уже существующих журналов «Вестник древней истории», «Византийский временник», «Средние века» и планируемые к открытию «Ученые записки по Новой и Новейшей истории» (журнал «Новая и Новейшая история» начнет выходить в 1957 г.).

Одновременно со структурой Института всеобщей истории в Отделение исторических наук был направлен список предполагаемого состава ученых советов будущих институтов. Главной Института истории СССР должен был стать А. Л. Сидоров, Института всеобщей истории – Е. М. Жуков (на тот момент занимавший должность заместителя директора ИИ АН СССР). Подводя итоги, автор проекта заключал: «Разделение Института истории на два самостоятельных института: Институт истории СССР и Институт всеобщей истории не потребует никаких дополнительных вакансий»¹.

Реакция бюро Отделения исторических наук вновь была внешне сдержанной: академик-секретарь М. Н. Тихомиров потребовал до вынесения вопроса о разделении института на бюро Отделения организовать его обсуждение в рамках ученого совета самого ИИ АН СССР. Согласно рукописной отметке на самом письме, оно было получено дирекцией Института 20 апреля 1955 г.²

Обсуждение вопроса ученым советом сильно задержалось: лишь 9 января 1956 г. он принял постановление, согласно которому «в связи с увеличением масштаба работы и громоздкостью структуры Института, необходимо практически решить вопрос о разделе Института истории на: 1) Институт истории СССР и 2) Институт всеобщей истории»³. К сожалению, не сохранилось

стенограммы этого совещания, но уже сам факт подобной задержки говорит о том, что реорганизация была воспринята сотрудниками далеко не единодушно (свидетельствуют о том и показания некоторых созданных позднее источников, о чем еще будет упомянуто далее в данной статье).

Впрочем, вероятно, и само бюро Отделения не столь жестко относилось к собственному же требованию: уже в декабре 1955 г. при составлении предложений по уточнению сети и профилей научных учреждений в них была включена и идея разделения ИИ АН СССР⁴. Более того, это предложение было озвучено на XX съезде КПСС академиком, членом ЦК КПСС А. М. Панкратовой⁵.

В 1956 г. обсуждение вопроса разделения института резко сдвинулось с «мертвой точки». 31 января на общем собрании Отделения с отчетом о проделанной за предыдущий год работе выступал академик-секретарь М. Н. Тихомиров. В самом отчете не прозвучало ничего, что непосредственно касалось бы темы реорганизации научного учреждения. Первым, кто на заседании заговорил о проекте, стал не присутствовавший на нем директор ИИ АН СССР А.Л. Сидоров, а академик, бывший вице-президент Академии наук (покинувший этот пост не столь давно – в 1953 г.) В. П. Волгин: «...я, например, считаю совершенно четко, что Институт истории слишком велик, что его руководству просто трудно руководить таким сложным левиафаном, таким сложным конгломератом. Позволю себе высказать мысль, которую я высказывал еще в довоенное время, и которая до сих пор не нашла никакой реализации, но которую я не устаю повторять. Я считаю, что Советскому Союзу <...> просто неприлично не иметь исторического института, специально работающего над проблемами истории Советского Союза – не истории СССР от Рюрика или черт знает чего, до наших дней»⁶ (чуть позднее он называет его Институтом истории советского общества). Подобные слова недвусмысленно говорят о заявке на лидерство в процессе раздела института: В.П. Волгин не только объявил о необходимости реорганизации учреждения, но и указал на то, что именно он первым заявлял о необходимости такого, причем выдвинул собственный, конкурирующий проект этого раздела.

Присутствовавший на заседании А.Л. Сидоров предпочел в тот момент не вступать в прямую полемику и, не приводя критических замечаний

¹ Там же Л. 31.

² Там же. Л. 24.

³ АРАН. Ф. 1577 «Институт истории АН СССР». Оп. 2. Д. 371. Л. 201.

⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 389. Л. 75.

⁵ XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 14-25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 625.

⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 492. Л. 59.

в адрес предложений В. П. Волгина, ограничился лишь перечислением уже озвучивавшихся в письмах аргументов в пользу разделения учреждения. Однако в конце своей речи он упомянул о том, что официальные письма с соответствующими предложениями уже были направлены им в президиум Академии наук, а через него – в Совет министров СССР¹. Все прочие участники собрания предпочли воздержаться от высказываний на эту тему.

В марте 1956 г. А. Л. Сидоров обращается еще с одним письмом к М. Н. Тихомирову². В нем фигурирует уже несколько иное наименование одного из планируемых к созданию институтов – Институт истории Западной Европы и Америки. К уже звучавшим аргументам в пользу разделения прибавилось и указание на якобы одобрение этой идеи «научной общественностью», прозвучавшее на ученом совете Института истории и уже упоминавшемся выше общем собрании Отделения исторических наук. Еще одним аргументом стали не слишком утешительные итоги Международного конгресса историков в Риме (сентябрь 1955 г.), на котором советские историки имели возможность убедиться в своем отставании от зарубежных «буржуазных» коллег в ряде направлений исследований. А. Л. Сидоров озвучивал свои выкладки о численности штатного состава двух будущих институтов: 120 сотрудников должны войти в состав Института истории СССР и 100 – Института истории стран Западной Европы и Америки. Цифры эти, с точки зрения автора данной статьи, должны были доказать преимущество отстаиваемой именно А. Л. Сидоровым (в противовес В. П. Волгину) модели реорганизации научного учреждения – его предложение позволяло создать вполне укомплектованные кадрами институты без выделения дополнительных ставок.

А вот приводимые в письме структурные подразделения уже несколько отличались от тех, что планировались ранее. В Институте истории СССР к прежнему набору секторов должны были добавиться: сектор древнейшей истории СССР до IX столетия, сектор истории империализма в России, вновь перечислялся ранее предполагавшийся к ликвидации сектор истории религии и атеизма. Сектор публикации источников и вспомогательных исторических дисциплин превращался в большой отдел из трех секторов (публикации источников досоветского периода, публикации источников советского периода, вспомогательных исторических дисциплин и издания летописей).

Уже предполагался сектор истории КПСС. Отдельной структурной единицей становился Ленинградский отдел. Усложнялась и структура второго института. Сохранялся сектор истории Византии, вместо небольшого сектора должен был возникнуть отдел новейшей истории стран Западной Европы в составе секторов: истории стран народной демократии и стран Америки, истории Германии, истории Англии и доминионов, истории романских стран, истории международного движения. Поясняя свои новые предложения, А. Л. Сидоров писал: «Предлагаемая структура предусматривает: а) усиление изучения истории советского общества и публикации документов по этому периоду; б) вообще более широкую организацию изучения и публикации документов по истории СССР (издание летописей) и изучения вспомогательных исторических дисциплин; в) подчеркивает значение истории эпохи империализма и ставит вопрос об изучении истории народов древнего периода. Что касается изучения всеобщей истории, то новым является коренное усиление внимания к проблемам новейшей истории»³.

Академик-секретарь М. Н. Тихомиров, в свою очередь, наложил резолюцию: «Ввиду важности вопросов документ размножить и изучить мнение членов Отделения (напр[имер], директоров) и крупнейших ученых – докторов исторических наук и др. М. Тихомиров. 13 марта 1956 г.»⁴. В течение марта – апреля 1956 г. свои письма в Отделение исторических наук направили М. П. Вяткин, В. П. Волгин, Л. В. Черепнин, В. М. Хвостов, Е. И. Крупнов, Х. Х. Круус, Л. М. Иванов⁵. Против проекта А. Л. Сидорова выступили лишь В. П. Волгин и Л. М. Иванов. Если первый продолжал отстаивать ранее высказанное им предложение, то Л. М. Иванов выступил с инициативой создать Институт Новейшей истории, то есть истории всех народов и стран мира, начиная с 1917 г. Е. И. Крупнов отказался оценивать идею разделения Института истории, назвав ее «спорной». Все остальные солидаризировались с планом А. Л. Сидорова, хотя и высказали замечания в адрес предлагаемой структуры новых институтов. Тревогу за судьбу возглавляемого им Ленинградского отделения ИИ АН СССР выразил М. П. Вяткин.

А. Л. Сидоров составил в октябре 1956 г. еще один проект структуры новых институтов. В со-

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 41–46, 54–55; АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1953–2002). Д. 18. Л. 32–45.

¹ Там же. Л. 91–96.

² АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 480. Л. 9–13.

стве Института истории СССР появлялись сектора истории народов СССР и истории внешней политики СССР, которые должны были стать частью отделения истории советского общества. Ленинградский отдел в соответствии с просьбой М. П. Вяткина превращался в Ленинградское отделение с сектором истории СССР и архивом как структурными подразделениями. Сохранялись две постоянные комиссии – по истории исторической науки и истории земледелия. В Институте всеобщей истории (в новой записке ему возвращался первый вариант наименования) вместо сектора стран народной демократии был предусмотрен сектор истории стран Восточной и Юго-Восточной Европы, единый сектор новейшей истории Америки разделялся на сектора новейшей истории Америки и новейшей истории Латинской Америки. Вводился новый сектор публикации источников по истории международных отношений. Ранее планировавшееся отделение новейшей истории Западной Европы низводилось до статуса сектора. Предлагалось создать несколько межсекторных групп, некоторые из которых в более раннем проекте задумывались как сектора: истории Германии, истории Англии и доминионов, Франции и, что выглядит необычно, истории исторической науки¹.

11–12 октября 1956 г. вопрос был вновь вынесен на общее собрание Отделения исторических наук. Формально собрание было посвящено обсуждению пятилетнего рабочего плана на 1956–1960 гг. и годового на 1957 г., однако большая его часть оказалась занята именно обсуждением вопроса о реорганизации Института истории. Тон задал выступавший с докладом заместитель академика-секретаря отделения П. Н. Третьяков, в финале своей речи сказавший: «Бюро отделения в предварительной обстановке вопрос о разделении Института истории [обсудило] и в целом присоединилось к тому проекту, который был представлен директором Института истории»². Несмотря на таковое недвусмысленное заявление, В. П. Волгин вновь заговорил о своей идее Института истории советского общества как более предпочтительной. В ход пошли аргументы репутационного характера (приближающийся 40-летний юбилей Октябрьской революции якобы делал «постыдным» отсутствие подобного заведения), указания на то, что нелогично отрывать изучение отечественной истории от зарубежной (что, впрочем, не помешало В. П. Волгину тут же заявить об обоснованности и рациональности по-

добного «отрыва» в случае, когда речь зашла о времени до и после 1917 г.)³. Из отдельных реплик следует, что одним из сторонников идеи В. П. Волгина был глава отделения М. Н. Тихомиров⁴. С еще более экстравагантной идеей выступил Б. А. Рыбаков, который вместо двух новых институтов предложил организовать сразу три: Институт рабовладельческого и феодального общества, Институт истории империализма и Институт истории советского общества⁵.

Однако основная часть присутствовавших ожидаемо поддержала проект дирекции ИИ АН СССР. Помимо самого А. Л. Сидорова на заседании его отстаивала А. М. Панкратова, на тот момент занимавшая пост главного редактора журнала «Вопросы истории». Именно она вступила в непосредственную полемику с В. П. Волгиным, указав на несостоятельность тезиса о том, что он неизбежно повлечет разрыв связи между изучением отечественной и зарубежной истории – ничто не мешает взаимодействию двух будущих заведений, тем более, что они остаются в распоряжении одного и того же Отделения исторических наук⁶. А. Л. Сидоров не без иронии заметил: «...само отделение уже встало на этот путь, отделив историю славян от истории русской, отделив Восток от всеобщей истории»⁷. Речь в данном случае шла об образовании Института славяноведения в 1947 г. и Института востоковедения в 1930 г. Этот ряд вполне можно было пополнить указанием на созданный в 1956 г. Институт китаеведения. Решающим аргументом стало указание на малочисленность специалистов по истории советского общества, что просто не позволяло создать полноценное научное учреждение. Наиболее четко он был сформулирован А. М. Панкратовой: «...на этом этапе гораздо важнее создать Институт отечественной истории и в нем создать благоприятные условия для изучения советского общества, уделяя этому разделу нашей отечественной истории больше внимания, чем если бы выделили довольно хилый по своим кадрам, по своему удельному весу Институт истории советского общества»⁸. А. М. Панкратову и А. Л. Сидорова поддержали И. И. Минц, И. И. Майский, В. В. Струве, С. В. Киселев⁹. Характерно, что большинство из них, в том числе

³ Там же. Л. 50–53.

⁴ См.: Там же. Л. 38; АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 502. Л. 77.

⁵ АРАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 501. Л. 92.

⁶ Там же. Л. 57–58.

⁷ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 502. Л. 16.

⁸ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 501. Л. 60.

⁹ Там же. Л. 68–69, 74–75, 96, 98.

¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 480. Л. 47–53.

² АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 501. Л. 48.

и А. М. Панкратова, не исключали возможность создания Института истории советского общества, но в будущем, по мере укрепления материальной и кадровой базы исторической науки¹.

Небольшая дискуссия развернулась вокруг вопроса о названии одного из планируемых заведений – стоит ли именовать его Институтом всеобщей истории или же Институтом истории Западной Европы и Америки. По словам П. Н. Третьякова, «высказывалось предложение, что нам нужно ликвидировать Институт славяноведения и Институт востоковедения, как комплексные институты, всю филологию передать В. В. Виноградову в ОЛЯ (Отделение литературы и языка АН СССР – М.Б.), а исторические секторы этих институтов – в Институт всеобщей истории»², однако решение о создании отдельного Института китаеведения сделало этот план неосуществимым. Это ставило под вопрос претензии нового учреждения на изучение мировой истории в целом. С другой стороны, высказывались и опасения, что «европоцентрические» рамки могут оказаться для него слишком узкими, затормозят его развитие и поставят под удар существование некоторые из направлений исследования (например, византиноведения). Возражения нашлись и у А. М. Панкратовой, которая заявила о необходимости в будущем создать отдельный Институт США³ (он действительно будет создан в 1967 г.).

В итоговой резолюции собрания значилось: «Признать необходимым разукрупнение Института истории АН СССР и образования на его основе Института истории СССР и Института истории Западной Европы и Америки (всеобщей истории, – выбор названия предоставить на ваше усмотрение). Просить Президиум АН СССР срочно рассмотреть этот вопрос. В дальнейшем перспективе иметь в виду создание специальных институтов по истории советского общества и по истории Америки»⁴.

Фактически именно мнение Отделения исторических наук должно было стать центральным для дальнейшего принятия необходимого решения. Однако вопрос, по всей видимости, оказался не столь прост. Президиум АН СССР посчитал необходимым проработать его еще один раз и выделил специальную комиссию для его рассмотрения, в которую вошли В. П. Волгин, Е. М. Жуков, А. М. Панкратова, А. Л. Сидоров и Н. А. Сидорова. К сожалению, нам не удалось разыскать каких-

либо документов о ее работе (протоколы заседаний, резолюции и т.д.), а потому остается лишь довольствоваться кратким (примерно на полстраницы) сообщением вице-президента АН СССР К. В. Островитянова об итогах заседаний. По его словам, против идеи разделения ИИ АН СССР выступила лишь Н. А. Сидорова. Вновь обсуждалась идея о создании Института истории советского общества, но комиссия отвергла ее, ссылаясь на мнение о нецелесообразности отрыва изучения отечественной истории новейшего периода истории от предшествовавшего ему рубежа XIX–XX вв., когда и были сформированы предпосылки Октябрьской революции⁵. Однако возникли новые трудности, о которых незамедлительно поспешил сообщить тот же К. В. Островитянов: «<...> мы считаем, что этот вопрос должен быть поставлен перед директивными органами и одновременно должен быть решен вопрос о предоставлении помещения для этого института. Конечно, если нам не создадут условия, то реализовать это решение будет очень трудно. Поэтому у нас записано, что одновременно с постановкой вопроса [необходимо] ставить вопрос о том, чтобы решить вопрос с помещением». После этих слов президент АН СССР А. Н. Несмеянов задал уточняющий вопрос: «Таким образом, мы ставим вопрос открытия или неоткрытия института в зависимости от дачи или не дачи помещения и решения директивных органов? <...> Я не против, но я предвижу, что Совет министров даст указание Моссовету и потом н-ное (так в документе – М.Б.) число лет будет тянуться вопрос о предоставлении Моссоветом такого помещения и чем [он] закончится – неизвестно»⁶. В ответ А. Л. Сидоров бравурно заявил, что Моссовет довольно оперативно выделил помещения для редакций двух новых исторических журналов, что якобы свидетельствует о его расположенности к ученым-историкам. В итоге, Президиум АН СССР 15 марта 1957 г. принял постановление № 216 «О научной деятельности и состоянии кадров Института истории Академии наук СССР». Четвертый и пятый пункт постановления гласил: «4. В целях быстрее выполнения неотложных задач, возникающих из решений XX съезда КПСС <...> считаем целесообразным выделение из Института истории АН СССР самостоятельного Института истории СССР Академии наук СССР. Просить директивные органы санкционировать это решение и оказать содействие в получении необ-

¹ См. напр.: Там же. Л. 62.

² Там же. Л. 39.

³ Там же. Л. 66–67.

⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 502. Л. 80.

⁵ АРАН. Ф. 2 «Секретариат Президиума Российской академии наук». Оп. 6. Д. 240. Л. 296–297.

⁶ Там же. Л. 298.

ходимого служебного помещения для вновь организуемого в системе АН СССР Института истории СССР. 5. Возложить на Институт истории АН СССР задачи научной разработки проблем всеобщей истории и именовать его в дальнейшем Институт всеобщей истории АН СССР»¹.

Увы, на момент начала работы над данной статьей Российский государственный архив новейшей истории оставался закрытым для исследователей, а потому мы не можем судить о непосредственной реакции на решение Президиума АН СССР в Отделе науки ЦК КПСС. Однако итоги постановления в целом ясны. Разделение Института истории состоится спустя одиннадцать лет после вышеуказанного постановления Президиума АН СССР. Новое здание Института истории получил лишь в 1960 г. Незадолго до этого, в 1959 г., главный инициатор (во всяком случае, главный лоббист, как то явствует из вышеприведенных документов) разделения учреждения А. Л. Сидоров ушел с поста его директора. Еще ранее, в 1957 г., умерла подержавшая этот проект А. М. Панкратова, перед смертью подвергнувшаяся идеологической критике за свою деятельность на посту редактора «Вопросов истории».

Увы, воссозданный нами фактографический каркас содержит массу лакун. Как уже говорилось выше, остается неясной реакция на происходившее партийных и государственных верхов, что потребует в дальнейшем работы с материалами Российского государственного архива новейшей истории. Во-вторых, остается неясным отношение к этой затее самого коллектива Института истории и его партийной организации. Так, симптоматично, что эта идея долгое время не выносилась на обсуждение ученого совета. В фонде Института истории АН СССР архива РАН сохранилась, впрочем, обстоятельная стенограмма обсуждения проекта внутренней структуры новых институтов, датированная 23 ноября 1956 г.² Этот документ свидетельствует, что далеко не все сотрудники учреждения поддерживали планы по его разделению. С возражениями на заседании выступили М. Н. Захарова и В. П. Жогов, причем оба открыто позиционировали себя как выразителей мнения всех историков-всеобщников, обеспеченных возможными для них издержками реорганизации³. Все остальные поддержали начинание дирекции, однако при этом оговаривались, что разделение – «вопрос решенный», указывали на соответствующее решение Отделения истори-

ческих наук⁴. Сам А. Л. Сидоров неоднократно отмечал, что не все его коллеги столь же позитивно восприняли его начинание⁵. Напомним, наконец, что в своем письме в Отделение исторических наук против проекта А. Л. Сидорова выступил заведующий сектора истории СССР периода капитализма Л. М. Иванов. Для более обстоятельного ответа на этот вопрос еще потребуются изучение документов Научного архива Института российской истории РАН, фонда парторганизации ИИ АН СССР в Центральном архиве города Москвы. В-третьих, когда многие решения принимались в условиях неофициальных кулуарных переговоров, требуется помимо делопроизводственных источников привлечь к исследованию и документы личных фондов советских историков, рассеянных по многим архивам. В силу этого, представленная статья призвана скорее наметить возможные направления изучения темы институциональной реорганизации Института истории АН СССР в два новых, самостоятельных учреждения, чем дать какие-либо готовые ответы.

Несмотря на подобную незавершенность, все же позволим себе высказать несколько предположений, касающихся вопроса о том, что же стало основной причиной, движущим фактором возникновения и развития этой идеи (помимо явно просматривающихся и вполне естественных амбиций представителей научной элиты). Напомним основные аргументы в пользу «разукрупнения» института, озвучиваемые как самой дирекцией во главе с А. Л. Сидоровым, так и его соперниками: громоздкость института, многочисленность его штатного состава и структурных единиц, что якобы затрудняло управление им; слишком большой объем задач, приходящийся на одно это учреждение (так, А. Л. Сидоров отмечал, что в новом пятилетнем плане развития из 30 предлагаемых к разработке научных проблем на долю Института истории приходилось 18, то есть почти две трети⁶, говорил о необходимости преодоления отставания между советской и «буржуазной» исторической наукой в ряде направлений), что вновь затрудняло контроль за их исполнением; соображение репутационного характера (наличие своих институтов истории в республиканских академиях наук, ссылки на приближающийся юбилей Октябрьской революции).

Третий из приведенных аргументов навряд ли мог занимать место ведущего соображения для

¹ Там же. Л. 189з.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 388.

³ Там же. Л. 93-105.

⁴ См., напр., выступление Л. В. Черепнина (Там же. Л. 39).

⁵ «Потому некоторая бесперспективность, которой заражены ряд товарищей, работающих по всемирной истории, по моему, неосновательна» (Там же. Л. 103).

⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945–1956). Д. 502. Л. 13.

представителей научной элиты и, скорее, предназначался для власти имущих. Значительно более весомо звучит довод о громоздкости и многочисленности штата учреждения. В одном из своих выступлений А.Л. Сидоров сказал, что штат Института истории составляет около 280 научных сотрудников¹. Число немалое, но если оно было столь избыточным, то остается без объяснений тот факт, что Институт истории продолжил свое существование в прежнем составе вплоть до 1968 г. Если бы проблема была столь серьезна, как ее изображали, разделение не задержалось бы на длительный отрезок времени.

Значительно больший интерес представляет второй из приведенных аргументов. Конечно, Институт истории и ранее был учреждением, ответственным за разработку узловых, наиболее значимых для советской исторической науки проблем, но начало 1950-х гг. стало временем смены прежних приоритетов в исследованиях, причем, смены далеко не добровольной. Как это наглядно продемонстрировал В. В. Тихонов, начиная с политэкономической дискуссии 1951 г. и прошедшего годом позже XIX съезда КПСС был взят курс на отказ от тщательного изучения древнейших периодов истории, приоритетной объявлялась тематика, связанная с XIX–XX вв., А. Л. Сидоров взял на себя роль активного проводника подобной политики, благодаря чему и смог довольно быстро занять место директора института [Тихонов: 2017]. В еще большей степени этот курс был закреплен постановлением Президиума АН СССР «О научной деятельности и состоянии кадров Института истории», принятым 20 марта 1953 г.² Напомним, одним из следствий его стало закрытие Ленинградского отделения ИИ АН СССР, не переориентировавший оперативно направление своей работы [Панеях: 1993].

Смерть И. В. Сталина и начавшаяся «оттепель» внесли свои коррективы. Упразднение ЛОИИ было в итоге признано ошибочным, к моменту описываемых событий оно уже было восстановлено [Цамутали, Чистиков: 2016, С. 307–309]. Список приоритетных и обязательных в разработке тем и направлений исследований был вновь пополнен и вспомогательными историческими дисциплинами, и вопросом возникновения и развития феодальных отношений в средневековой Руси³, пренебречь ими в угоду истории

¹ См.: АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 502. Л. 14.

² См.: О научной деятельности и состоянии кадров Института истории // Вестник АН СССР. 1953. № 4. С. 78-79; Панкратова А.М. Насущные вопросы советской исторической науки // Коммунист. 1953. № 6. С. 55-69.

³ См., напр.: АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 529. Л. 7–26.

XIX–XX вв. становилось невозможным. Однако это не означало необходимость отказа от интенсификации обозначенных ранее проблем, просто принцип «или/или» был заменен на «и/и». Более того, произошедшее на XX съезде КПСС означало необходимость заново изучить и пересмотреть события советского периода истории, причем, в отсутствие ясных и внятных указаний «сверху». Никто не мог дать никаких гарантий того, что этот и без того внушительный список не будет пополнен новыми позициями. Конечно же, вполне естественно стремление дирекции Института истории снять с себя хотя бы часть ответственности, распределив задачи между двумя новыми учреждениями.

Но еще более важным нам представляется иной факт. 1950-е гг. стали временем бурного количественного роста академических учреждений, равно как и временем увеличения выделяемого на них финансирования. Согласно официальным данным, за время пятой пятилетки (1951–1955 гг.) было открыто 24 новых учреждения (вместе с филиалами Академии наук их число составило 126), количество научных сотрудников увеличилось на 6 400 человек, к 1955 г. их стало 12 400 человек [Князев, Кольцов: 1964, С. 155]. В 1956 г. появилось «пополнение» и среди заведений гуманитарного профиля: были организованы Институт китаеведения (подчиненный Отделению исторических наук) и Институт мировой экономики и международных отношений. Самым масштабным проектом тех времен станет создание Сибирского отделения АН СССР. Конечно же, все это не могло состояться без значительных дополнительных вложений материальных и финансовых ресурсов.

На взгляд автора данной статьи, инициативу дирекции ИИ АН СССР следует рассматривать в качестве своего рода заявки на получение в будущем новых финансово-материальных и кадровых ресурсов, необходимых для выполнения поставленных перед ними задач. Институт на тот момент испытывал явные материальные затруднения. Так, академик-секретарь М.Н. Тихомиров, подводя итоги своей деятельности, в январе 1956 г. с горечью констатировал: «Не решен вопрос и с помещением Института истории. Громадный институт ютится в двух этажах здания на Волхонке»⁴. Сам инициатор процесса разделения А. Л. Сидоров, выступая 11 апреля 1957 г. на ученом совете, следующим образом разъяснял сотрудникам смысл принятого документа: «<...> меня часто вслед за этим решением (Президиума

⁴ АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945-1956). Д. 492. Л. 51.

АН СССР – М.Б.) спрашивают: что, разделились? Когда разделимся? Я на эти вопросы отвечаю – не торопитесь, ибо речь идет не о простом механическом разделении кадров и того помещения, абсолютно недостаточного, которое есть. Если бы было дело только за этим, это была бы нетрудная задача. <...> Наконец, вы знаете, что речь идет о решительном улучшении материальной базы

институтов¹. Весьма четко с предоставлением нового помещения связывал разделение Института истории и принявший соответствующее постановление Президиум АН СССР. Вопрос о том, почему требуемое материально-финансовое обеспечение не было найдено, остается на данный момент открытым.

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 396. Л. 39.

Список литературы

1. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. СПб: СПб ИИ РАН, Нестор-История, 2014. 216 с.
2. Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3-е, испр и доп. М.: Наука, 1964. 227 с.
3. Курносков А. А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363–389.
4. Некрич А. М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. London, 1979. 417 с.
5. Неретина С. С. История с методологией истории // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 143–151.
6. Панеях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 19–27.
7. Поляков Ю. А. Минувшее. Фрагменты: Воспоминания историка. М.: Наука, 2011. Кн. 1. 443 с.
8. Тихонов В. В. «Политэкономия» академической карьеры в сталинскую эпоху: дискуссия по политэкономии 1951 г., XIX съезд и историк А. Л. Сидоров // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2017. № 58. С. 340–351.
9. Цамутали А. Н., Чистиков А. Н. Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР в 1936–1984 гг. // Санкт-Петербургский институт истории РАН в документах XIX–XX веков / отв. ред. П.В. Седов. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 288–378.

Сведения об авторе

Базанов Михаил Александрович – кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов, Объединенный государственный архив Челябинской области (ГУ ОГАЧО), Челябинск, Россия.

bazanov.86@mail.ru

Magistra Vitae.

2019. No 1. P. 39–48.

POSTPONED REORGANIZATION: THE FIRST ATTEMPT TO SEPARATE THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES (1955–1957)

M. A. Bazanov

United State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia. bazanov.86@mail.ru

In 1955–1957 the Directorate of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR headed by A. L. Sidorov initiated the institute reorganization and then the creation of two new institutions, i.e. the Institute of History of the USSR and the Institute of General History. The project would be implemented only in 1968, in a different social and cultural and ideological environment, having become one of the landmark events that marked the transition from the era of “Thaw” to “Stagnation”. The article reconstructs the discussion of the initiative of A.L. Sidorov by the Department of Historical Sciences and the Presidium of the USSR Academy of Sciences. The work demonstrates alternative projects of the institute reorganization proposed by V. P. Volgin, B. A. Rybakov, L. M. Ivanov. The main arguments for and against the proposed projects are restored. The work shows that the choice of Sidorov’s project was based on considerations of equal distribution of human resources among new institutions. The resolution of the Presidium of the

Academy of Sciences of the USSR was established, according to which the separation of the institute was to take place. There is a suggestion that the initiative to reorganize the Institute of History of the USSR Academy of Sciences was based on the desire to expand the material and financial support of institutions under conditions of a substantial increase in the planned target. The main directions for further study of this episode in the history of Soviet historical science are outlined.

Keywords: *Institute of History, USSR Academy of Sciences, USSR Institute of General History, Department of Historical Sciences, Presidium of the USSR Academy of Sciences, Arkady Lavrovich Sidorov, Anna M. Pankratova, Vyacheslav Volgin, reorganization, internal structure, resolution, correspondence .*

References

1. Ganelin R. Sh. (2014) *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhd u soboj. Stranicy vospominanij o 1940-x – 1970-x gg.* [Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s – 1970s]. Sankt-Peterburg, 216 p. (in Russ.).
2. Knyazev G. A. & Kol'cov, A. V. (1964) *Kratkij ocherk istorii Akademii nauk SSSR* [A brief sketch of the history of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, 227 p. (in Russ.)
3. Kurnosov A. A. (2006) Ob odnom iz ehvizodov istoricheskoi nauki 1960 – 1970-h gg. [About one of the episodes of historical science of the 1960s – 1970s], in: *Voprosy obrazovaniya*, 4, pp. 363–389 (in Russ.)
4. Nekrich A. M. (1979) *Otreshis' ot straxa. Vospominaniya istorika* [Renounce fear. Memories of the historian]. London, 417 p. (in Russ.).
5. Neretina S. S. (1990) Istoriya s metodologiej istorii [History with the methodology of history], in: *Voprosy istorii*, 9, pp. 143–151 (in Russ.).
6. Paneyax V. M. (1993) Uprazhdenie Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR v 1953 godu [The abolition of the Leningrad branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1953], in: *Voprosy istorii*, 10, pp. 19–27 (in Russ.).
7. Polyakov Yu. A. (2011) *Minuvshee. Fragmenty: Vospominaniya istorika* [Past Fragments: Memories of the historian] Vol. 1. Moscow, 443 p. (in Russ.).
8. Tihonov V. V. (2017) «Politehkonomiya» akademicheskoi kar'ery v stalinskuyu ehphu: diskussiya po politekonomii 1951 g., XIX s'ezd i istorik A.L. Sidorov [“Political economy” of an academic career in the Stalin era: a discussion on political economy of 1951, the XIX Congress and the historian A.L. Sidorov], in: *Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii*, 58, pp. 340–351 (in Russ.).
9. Camutali A. N. & Chistikov A. N. Leningradskoe otdelenie Instituta istorii SSSR AN SSSR v 1936–1984 gg. [Leningrad branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences of the USSR in 1936–1984], in: Sedov, P.V. (Eds) (2016). *Sankt-Peterburgskij institut istorii RAN v dokumentah XIX–XX vekov* (pp. 288–378). Sankt-Peterburg. (in Russ.).